

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ: ВЕКТОРЫ ИСТОРИИ

РАЗИНЩИНА (1667–1671 гг.): НОВЫЕ ВОПРОСЫ К СТАРОЙ ИСТОРИИ (к 335-летию со дня казни С.Т. Разина)

П.Л. Карабущенко
(Россия, г. Астрахань)

В настоящее время имеется несколько объяснений причин происшедшего разинского бунта (1669–1671 гг.). Наиболее популярной до последнего времени является социально-политическая версия, основанная на теории обострения классовой борьбы. В историю данная версия вошла под названием «крестьянская война под предводительством С. Разина». Вторая, ныне не столь популярная, версия относится к русской монархической историографии (В.О. Ключевский, С.М. Соловьев), видевшей в разинщине разгул темных деструктивных сил русского народа, бунт против государственных и моральных (христианских) устоев. «Классовая» (позитивная) и «монархическая» (негативная) версии разинского бунта достаточно противоречивы и внутренне, не говоря уже об их внешнем сопоставлении. Но в истории есть и еще одна версия, которая ни одной из сторон в расчет никогда не бралась. Это «народная версия», основанная на данных «фольклора», которая по-своему истолковала мотивы бунта и его основные этапы развития. Что это за версия, и стоит ли нам ее всерьез рассматривать? Насколько состоятельны вышеназванные теории «разинщины»? На эти и многие другие вопросы мы и постараемся ответить в настоящей работе. «Фольклорная версия» и станет главным исходным моментом нашего сегодняшнего расследования причин происхождения разинского бунта...

Донской казачий атаман *Степан Тимофеевич Разин* (ок.1630, Дон – 06. 06. 1671, Москва) оставил после себя немало загадок, и самой главной из них является загадка побудительного мотива самого его бунта. Многое, если не все, в истории бунта Стеньки Разина нам может сегодня показаться весьма и весьма странным. Прежде всего сам факт того, что его имя существует как бы в двух ипостасях – в уничтожительно-хулительном значении (вор/разбойник/лиходея «Стенька Разин») и в уважительно-почитательном (атаман/батька «Степан Тимофеевич»). Первый вариант можно приписать враждебной ему воеводской стороне (московской власти), для которой атаман был действительно бунтовщик и лихоимец, второй – к народной молве, поскольку в идеологии восстания он выступал как освободитель простого народа от жестокой крепостной власти тех же бояр и воевод. Нам представляется возможным ныне несколько иначе, чем это принято в официальной исторической науке, осветить сам ход и причины этого бунта, сформулировав с этой целью ряд принципиальных, на наш взгляд, вопросов.

Советские историки, приученные марксистско-ленинской идеологией всегда во всем усматривать социальные корни, видели в бунте Разина проявление классовой борьбы низов с социально-политической элитой того времени. На первый взгляд, все именно так и выглядит. Но то, что разинщина могла носить совершенно банальный и прозаичный характер, их мало занимало и казалось им антинаучным подходом.

Чем привлекательна «фольклорная версия» разинщины, в чем ее неоспоримые преимущества перед «официальными» научными теориями? Прежде всего тем, что она лишена какой-либо политической идеологии. «Фольклорная версия» разинского бунта есть не что иное, как восприятие происшедших тогда на Каспии и Волге событий глазами и умом самого русского народа. Народное сознание неидеологизированно. Народ воспринимает историю так, как ощущает. В отличие от нее и монархическая, и советская версия разинского бунта наполнены «идеологической аналити-

кой», это видение более позднего времени. Фольклорная же версия должна нами рассматриваться как версия «того исторического времени», то есть мы должны ее оценивать в качестве первоисточника.

Данная версия не столь богата фактами. А если быть точными, то их всего два. (1) «потеря» Разиным под Астраханью персидской княжны (точнее было бы сказать, «персидской казны» – награбленного в походе на Каспий имущества) и (2) зарытый где-то на волжском утесе новый клад. По этой версии Разин не только «грозный атаман», но и «собиратель» сокровищ...

Народная память зафиксировала самую главную с ее точки зрения особенность разинщины – наличие собранных бунтовщиками сокровищ. Под «сокровищами» в данном случае следует видеть не только «злато и серебро», но и просто «дорогую рухлядь» (вещи, барахло), которые в глазах простого смертного тоже представляли определенную ценность, так как были атрибутом социокультурного мира (быта) господ (элиты). Награбленные и потерянные или где-то кем-то спрятанные сокровища – вот главный лейтмотив «фольклорной версии» разинского бунта. Почему-то этот момент официальная историческая наука игнорирует, заменяя его сугубо социально-политическими мотивами.

Попытаемся через призму этой установки взглянуть на исторические факты и выяснить, насколько «фольклорная версия» соответствует антигосударственной (негативной) и классовой (позитивной) версии исторической науки.

Обратим наше внимание на ряд странностей, связанных с так называемым «восстанием Степана Разина», и попытаемся на их основе сформулировать ряд вопросов, ответы на которые могут пролить новый свет на старые факты этой истории.

(1) У донских казаков явных причин для бунта против Москвы в предшествующие годы не было. Они нашли вполне приемлемое для себя решение своих социальных проблем – разбойничьи походы «за зипунами» или на Азов против турок, или на Каспий против персов. Все дело в том, что Москва официально запрещала им грабить каспийские города Ирана (Персии), и воеводы Астраханского края (царства) активно противодействовали многочисленным разбойничьим вылазкам казаков. Отсюда возникает вопрос: не мог ли именно запрет Москвы на грабительские набеги казаков на Каспий послужить поводом к их возмущению в 1670–1671 гг.?

(2) Станным кажется тот факт, что восстание началось сразу же после удачного похода Стеньки Разина «за зипунами» в Персию. Как правило, в советской историографии поход в Персию (1667–1669 гг.) слабо увязывается с самим восстанием (1670–1671 гг.). Нам кажется, что такое деление неуместно (антиисторично), так как причины событий 1670–1671 гг. кроются в событиях 1667–1669 гг. Отсюда наш следующий вопрос: почему после якобы удачного похода на Персию казаки подняли, как утверждает советская историческая наука, именно социальный бунт («крестьянскую войну»? Одно должно исключать другое.

(3) Если восстание началось на Дону, то какая надобность Разину была идти на Волгу и захватывать сильно укрепленную Астрахань? Историки придерживаются той версии, что он тем самым хотел обезопасить свои «тылы» для похода на Москву и создать сильную военную базу. Но как показали дальнейшие события, Астрахань особой роли в ходе этого восстания не сыграла, и играть не могла, а сам якобы «поход на Москву» войск (шаек) Разина является чистой воды блефом современных историков. Так для чего тогда Разин захватил Астрахань?

(4) Весьма странным, если не загадочным, выглядит на фоне всей этой истории пленение князя С.И. Львова, который был взят разинцами в плен под Черным Яром весной 1670 г., и его казнь вместе с митрополитом Иосифом спустя год, лишь весной 1671 г. С.И. Львов был единственным представителем высшего сословия и царской администрации Астрахани, которого «воры» пощадили. Возникает вопрос – почему?

(5) После того, как осенью 1671 г. Астрахань капитулировала, все главари этого мятежа были взяты в плен, но до лета 1672 г. спокойно жили в Астрахани под присмотром царских воевод и лишь по прошествии времени были преданы суду и казни. Чем была вызвана такая оттяжка во времени? Скорые на расправу царские воеводы и бояре здесь вдруг проявили какой-то весьма странный «гуманизм» (!)

Все эти и целый ряд еще других не менее загадочных вопросов приводят нас к мысли о том, что в деле о восстании (бунте) Разина есть несколько закрытых и по сей день страниц, которые официальной стороной (имеется в виду царская администрация XVII в.) почему-то явно никогда не озвучивались, а современные историки просто упускали из вида, считая их малозначительными.

Попробуем обстоятельно ответить на поставленные выше вопросы.

Как пишет известный российский историк XIX в. С.М. Соловьев, в первой половине XVII в. казаки неоднократно вмешивались в политические отношения России с Турцией и Ираном, совершая свои воровские набеги то на черноморские владения Османской империи, но на иранский берег Каспийского моря. Налеты воровских шаек были столь частыми, что астраханским воеводам было велено блокировать волжский проход и не допускать воровских донских казаков на Яик (Урал) и Каспий.

В июне 1621 г. астраханские воеводы доносили в Москву, что воровские казаки на Каспийском море «служилых, торговых и всяких людей грабят; атаман у них Тренка-ус». В 1641 г. персидский посол шаха Сефи подал царю челобитную, в которой, в частности, говорилось, что с русской стороны «всякие набродные, худые люди безыменные, беглые, собравшись, приходят на гилянские и на мазадеранские места, воюют, людей бьют, грабят, в полон берут, то же делают и над торговыми людьми, которые ходят по морю»¹. Поход Разина на Каспий был традиционным набегом донских казаков и первоначально не выходил за рамки обыденного. Разин вел себя как пират, и все его набеги мы и должны расценивать как самое настоящее пиратство.

Более двух лет атаман Стенька Разин со своими сотоварищами грабил богатые персидские города на побережье Каспийского моря. Воровской промысел приносил немалые дивиденды. В августе 1669 г. Разин с богатой добычей вернулся на Волгу. Воровской набег не мог не вызвать гнева царской администрации. «Но, – замечает С.М. Соловьев, – мы знаем постоянное поведение московского правительства относительно казаков: прощать, как только будет принесена повинная». Стенька и все его войско били челом московскому царю, просили отпущения вины и прохода на Дон с пожитками².

Старший астраханский воевода, князь *Иван Семенович Прозоровский* (убит 24.06. 1670, в Астрахани) отличался, по воспоминаниям своих же современников, изрядной жадностью и хамством. На воеводстве в Астрахани он был с 1666 г. При этом надо отметить, что в 1621–1624 гг. астраханским воеводою был его отец – князь Семен Васильевич Прозоровский, и его сын был с детских лет знаком с царящими в Астрахани порядками. Поэтому, прибыв на воеводство в Астрахань, И.С. Прозоровский сразу же навел свои порядки.

Воевода и бояре воспользовались царским запретом на казачьи походы на Каспий и решили применить данную им силу. Формально они были правы. Но реально они вступили в борьбу с группой весьма отчаянных людей, у которых был неплохой лидер. И.С. Прозоровскому и его К^о не повезло в том плане, что им не удалось «утаить шила в мешке» – история с персидскими зипунами вышла за пределы воеводских хоров и обернулась кровавой трагедией.

Под формальным предлогом борьбы с вольными походами на Каспий И.С. Прозоровский мог наложить свою «жадную лапу» на персидские богатства казаков и выставить их ни с чем из города. Царю же они отписали, что миром договорились с разинцами, так как «боялись, чтобы казаки вновь шатости к воровству не учинили и не пристали бы к их воровству иные многие люди, не учинилось бы кровопролитие»³. Из этого видно, что воеводы прекрасно понимали, что могло произойти, но все равно на это пошли, надеясь на свою ратную силу, крепкие кремлевские стены и русский авось – авось да пронесет! Не пронесло!

Вор-воевода И.С. Прозоровский обворовал тогда вора и разбойника С.Т. Разина (более чем символично!). При таком стечении обстоятельств ситуация мирно разрешиться не могла.

С точки зрения ограбленных воеводой казаков их персидский поход был неудачным. Им никакого смысла не было создавать в Астрахани свою казацкую республику, так как город изначально строился как царская крепость. И планов «боль-

шого похода по Волге» у них тоже не могло родиться в голове. Их главной целью были или осада, или шантаж царских воевод Астрахани. Взять город штурмом – означало бросить открытый вызов самому царю, от которого они только что получили прощение за свои персидские прегрешения. Восстание казаков началось не против московского царя, а против его воевод. Стенька в своих грамотах неоднократно это подчеркивал, и сдался он весной 1671 г. царским войскам лишь потому, что втайне надеялся повиниться и рассказать царю о жадности его воевод. Поэтому мы и берем на себя смелость утверждать, что разинщина начиналась исключительно как поход на Астрахань, но затем роковое стечение обстоятельств и неожиданный успех восставших внесли свои коррективы в план.

Во время переговоров с князем С.И. Львовым (убит 11. 05. 1671, Астрахань) Стенька Разин осыпал его дорогими подарками из награбленного им в Персии. Вступление Разина в Астрахань (25 августа 1669 г.) было подобно триумфу. Казаки были разодеты в парчовые и шелковые одежды, поили всех желающих в кабаках. По рассказам очевидцев, даже воевода И.С. Прозоровский выпросил у атамана дорогую соболью шубу. Стрюйс сообщает, что Разин вел себя в Астрахани как представитель законной власти⁴.

Таким образом, ответ на второй вопрос подтверждает высказанную выше гипотезу о том, что казаки фактически лишились всей (большей части) своей добычи в Астрахани и посчитали себя обиженной стороной. Это и стало поводом к их возмущению в 1670 г.⁵ Речь идет именно о возмущении донских казаков против царских астраханских воевод, и Москва (царь и его бояре) здесь не при чем.

Миф о «войне разинцев с Москвой» не выдерживает никакой критики. Тем не менее практически все историки приписывают именно этот замысел планам С. Разина. Атаман у историков мыслит как «начальник генерального штаба» русской армии XIX–XX вв., чего сам С. Разин и вообразить не мог (!).

Начало компании 1670 г. было обусловлено предельно простым планом – принудить астраханских воевод вернуть их «персидскую поклажу». После взятия Астрахани план войны несколько усложнился. Отступать уже было некуда, и Стенька Разин пошел, как говорится, «ва-банк» – игра началась по-крупному.

Весной 1670 г. разинцы разграбили первый царский город на Волге – Царицын. Посланные астраханским воеводой И.С. Прозоровским против них войска перешли под Черным Яром на сторону бунтующих, открыв тем самым дорогу в Астрахань. То, что историки приписывают Разину планы современного «генерального штаба» (якобы захват Астрахани был необходим для укрепления тылов в походе на Москву), вряд ли следует серьезно рассматривать. Он был «атаманом», а не «царским воеводой» (генералом), и ему был свойственен «атаманский» тип мышления. Начинать войну против Москвы для казаков было смерти подобно. Тем более, что незадолго до этого они сами ходили наниматься в Москву на службу русскому царю, но получили отказ. Поэтому мы должны признать, что война с Москвой не входила в планы Разина и занятие им Астрахани не было укреплением его «тылов» в этой войне. Это было, напротив, открытие окна на Каспий. Взятием Астрахани казаки прорубили себе «окно в Персию», но на Каспий прочему-то тогда не пошли (не пришло время!). Почему?

При взятии Астрахани воевода И.С. Прозоровский был тяжело ранен в живот, а его брат М.С. Прозоровский убит. Победители устроили в городе настоящую резню (вторую варфоломеевскую ночь). Воевода был сброшен с раската, а его сыновья (8-ми и 16-ти лет) повешены за ноги. Старшего на следующий день тоже сбросили с башни. Секретари воеводы и сын гилянского хана были повешены на крюках за ребра и умерли лишь через несколько дней. На площади перед собором саблями и бердышами зарубили 441 человека. Имущество убитых, как и государственная казна, были вывезены на Ямгурчеев бугор для раздаривания. Грабежу подверглись гостиные дворы: Гилянский, Русский, Индийский, Бухарский. Сам Разин в дележе награбленного богатства не участвовал, поскольку «Стеньке принесли, что ему понадобилось»⁶.

Видимо, персидская добыча была столь велика, а обида, нанесенная астраханскими воеводами, столь глубока, что Стенька «со товарищи» никак не могли оста-

вить это безнаказанным. Их поведение в Астрахани (расправа над представителями знати) выглядит действительно как возмездие за причиненные обиды. Устроив избиение астраханской знати, казаки лишь восстановили попорченную в прошлом году справедливость.

Но что случилось с персидским багажом Разина? Здесь может быть несколько предположений: (а) И.С. Прозоровский поделился со своими князьями-подручными, и те все растащили в разные стороны (тогда клада действительно нельзя было сыскать), но такой вариант мало подходит к характеру самого И.С. Прозоровского; (б) И.С. Прозоровский припрятал до поры до времени эти сокровища где-то в астраханском Кремле, но последующие события помешали ему самому ими воспользоваться; (в) отправил одну часть для отвода глаз в Москву, а вторую спрятал или раздал среди своих подельщиков. Вариантов, как мы сами видим, не так уж и много. Скорее, было нечто среднее, и ход последующих событий этот наш вывод тоже полностью подтверждает.

Если бы Разин нашел свою добычу в Астрахани, то разинщины 1670–1671 гг. может и не было бы вообще. Казаки ушли бы обратно к себе на Дон и вновь били бы царю челом за свой очередной разбой. Но сокровищ в Астрахани «воры» не нашли. Воеводы были мертвы, а князь С.И. Львов, по всей видимости, не был осведомлен о том, куда они дели казачьи сокровища. Реакция на эти обстоятельства у главарей бунтовщиков должна была быть отрицательной: своей искомой цели они не достигли, и взятие Астрахани было совершенно напрасным. Требовалось как-то компенсировать моральные и материальные ущербы донцов. И они нашли единственный приемлемый для них выход.

Обращает на себя внимание тот факт, что Стенька Разин в основном грабил города на Волге, то есть те, которые в то время в административно-территориальном плане относились к так называемому «царству Астраханскому». Логика их рассуждений была предельно проста и адекватна для того времени: «Раз нас ограбили астраханские воеводы, то мы должны вернуть себе отобранное, ограбив самих воевод и бояр Астраханского края». Началась война Дона с Волгой, точнее с Астраханью (с «Астраханским царством», царем которой считался московский государь!), а не со всей Москвией, как это пытаются представить большинство историков.

Только после разорения Астрахани Разин начинает искать идеологическое обоснования своим действиям и находит его в тезисе о «дурных московских боярах и воеводах астраханских». Именно после этого резня представителей социальной аристократии и политической элиты становится более или менее осознанной.

Разинцы могли принять решение пограбить волжские города Астраханского края/царства (Царицын, Саратов, Самара, Симбирск и др.) и уйти к себе на Дон или Северный Кавказ или даже перейти на службу к туркам, как они до того хотели перейти на службу к персам. Социальные мотивы, которые им были приписаны советской исторической наукой в XX в., были настолько далеки им, что об этом нет смысла и говорить. В мировоззрение простого люда XVII в. идеологические догмы марксизма-ленинизма укладывались с трудом, поэтому в их действиях надо искать более приземленные причины. Что такое «классовая борьба», сами российские социальные низы понятия тогда еще не имели.

Князь *Семен Иванович Львов* (убит 11.05. 1671, Астрахань) является весьма заметной фигурой в деле всего разинского бунта. Именно он встречал казаков в августе 1669 г. в устье Волге с 4 тыс. ратных людей, чтобы предотвратить их прорыв на Дон; именно он весной 1670 г. с 3 тыс. стрельцов пытался задержать Разина под Черным Яром, но был предан своими людьми и бежал⁷. По всей вероятности, князь С.И. Львов командовал так называемой «водной ратью», то есть был «воеводой-адмиралом» волжской «флотилии». Он оказался единственным, кого разинцы не казнили сразу, а для чего-то держали его до весны 1671 г.

С.М. Соловьев тоже недоумевает по поводу судьбы князя С.И. Львова. Он пишет, что под восторженные крики восставших казаков и стрельцов «падали обезображенные трупы начальных людей. Но уцелел как-то воевода Львов»⁸. С.М. Соловьев лишь удивляется, но никак не объясняет нам этот факт чудесного спасения

С.И. Львова в этой ужасной бойне русской знати, оказавшейся в то злополучное лето в низовьях Волги. Мы вправе предположить, что С.И. Львов, по-видимому, знал нечто, что уберегло его тогда от скорой расправы, но не спасло в перспективе. Его положение в Астрахани с весны 1670 по весну 1671 г. была более чем странным – он жил и свободно общался с митрополитом Иосифом и мог еще сноситься с верными царю донскими казаками, причем в обвинительном письме, посланном из-под Симбирска воровским атаманом Ф. Шелудякой, князя С.И. Львова обвинили в том, что именно по его наущению донские казаки схватили и выдали Москве Разина и его брата Фрола⁹. Получается, что С.И. Львов отомстил предательством на предательство (политический опыт, достойный духа Н. Макиавелли!). Только после этого казаки казнили митрополита и последнего астраханского князя-воеводу, остававшихся в их руках.

Тайна князя С.И. Львова заключается в том, что он, возможно, знал, где И.С. Прозоровский скрыл персидские сокровища («зипуны/барахло») шайки Разина. Он оказался единственным живым после штурма Астраханского кремля воеводой – всех остальных казаки сгоряча порешили, не успев толком узнать, куда они дели их сокровища. Поэтому-то и лютовал в Астрахани их атаман, что нигде не мог сыскать свои «сокровища».

Что делал, чем занимался князь С.И. Львов этот год? У нас есть два правдоподобных ответа на этот вопрос: (1) выигрывал время, тщетно ища (или делая вид, что ищет) для разинцев потерянный ими их «персидский багаж» и (2) плел против них вместе с митрополитом Иосифом политические интриги, разлагая казацкую вольницу Астрахани изнутри. В принципе можно предположить и третий вариант, совмещающий два первых! Но для этого должна была существовать какая-то договоренность между ним и самим Разиным, раз его до получения сведений о казни атамана (конец апреля – начало мая 1671 г.) не трогали. По-видимому, князь С.И. Львов был оставлен Разиным в качестве свидетеля, чтобы он в случае необходимости мог подтвердить, что именно жадность князя-воеводы И.С. Прозоровского стала причиной великого возмущения казаков. Ведь казаки за свой персидский поход были царем прощены, но им, уже прощенным, обиду причинил главный астраханский воевода. Тогда письмо Ф. Шелудяки из-под Симбирска о том, что именно С.И. Львов причастен к пленению Разина и его предстоящей казни в Москве, могло действительно стать для князя смертным приговором, так как его договор с атаманом был нарушен, и надобность в нем как свидетеле «лихоимства воевод» уже отпала, поскольку события пошли не по сценарию Разина.

Ответ на последний вопрос, почему царские воеводы отсрочили казнь над разинцами до лета 1672 г., нам, по всей видимости, следует искать уже в Москве. История свидетельствует, что 6 июня 1671 г. во время казни Стеньки Разина на Красной площади его брат Фрол (казнен в 1676 г.) неожиданно заявил, что он «имеет слово царю». На языке тех лет это означало, что у него есть некая тайна, которую он мог открыть только царю Алексею Михайловичу. Ходили слухи, что он хотел выдать место, где его брат Стенька зарыл свои награбленные им на Волге сокровища. Царские воеводы впоследствии все-таки казнили Фрола. Но слухи о том, что он хотел «секретничать с царем», дошли до царских ушей, и воеводам, отправившимся высвобождать из-под воровских казаков Астрахань, было велено живыми взять оставшихся главарей бунта и учинить над ними розыск. Что и было сделано.

Розыск показал, что казаки сами тщетно искали и пытали князя С.И. Львова относительно своих персидских сокровищ. О кладе самого Разина они тоже вряд ли могли что-либо знать и тогда их казнили.

Фрола Разина «царские палачи» держали в своих застенках еще пять лет. Значит, он им зачем-то был нужен. Фрол фактически повторяет судьбу князя С.И. Львова, плененного разинцами в Астрахани. В этой связи мы осмелимся предположить, что все эти пять лет Фрол Разин не сидел с цепью на шее в царских казематах, а тщетно искал с царскими боярами зарытые его братом на Волге сокровища. У нас пока нет иных более убедительных объяснений этому факту. Поэтому мы останавливаемся на нем как на самом достоверном на данный момент объяснении.

Восстановим теперь ход общих событий. Еще раз напомним, что для нас важно соединение фольклорной версии с данными критической исторической науки и устранение из официальной версии всего, что так или иначе относится к стереотипам политической идеологии.

Итак, во всем виноваты ... турки!

Построив в устье Дона крепость Азов, они перекрыли доступ донским казакам на Черное море, и те были вынуждены переориентировать свои походы «за зипунами» с Дона и Азова на Волгу и Каспий. Об этом ясно говорили посланная в 1669 г. к царю казачья делегация: «На Дону нам начала быть скудость большая – на Черное море проходить стало нельзя: сделаны турскими людьми крепость, и мы, отобравшись, охочие люди, пошли на Волгу, а с Волги на море, без ведома войскового атамана Корнила Яковлева, а начальный человек к тому делу был у нас Стенька Разин»¹⁰.

Погуляв вдоволь по Каспию и награбив большие богатства (1667–1669 гг.), казаки подались обратно на Дон, но в низовьях Волги столкнулись с царскими воеводами из Астрахани. Главный воевода И.С. Прозоровский (известный своей жадностью) фактически ограбил казаков и «голыми» отпустил их на Дон. Сил сопротивляться ему у казаков на тот момент не было – они только что вернулись из трудного похода, и многие из них были хворы. Именно в этот момент истории разинщины фольклорная версия впервые фиксирует важное с ее точки зрения событие – гибель персидской княжны. Фиксация этого события есть зашифрованная информация о том, что Разину в Астрахани пришлось отдать весь свой «трехлетний труд» – его в Астрахани самого ограбили местные воры-воеводы. Это событие послужило прототипом к «убиению прекрасной персиянки» и рождению песни «Из-за острова на стрежень...».

Действия астраханских воевод всегда отличались излишней коррумпированностью. Феномен пресловутой «астраханщины» лежит в предоставлении местным властям большей свободы от центральной власти вследствие значительной удаленности от центра. Астрахань – это медвежий угол российской коррупции. Самый известный скандал мздоимства Астраханской администрации – это дело 1616 г., когда воеводы разных уровней во главе с князем И.Н. Одоевским (воевода с 1614–1616 гг.) обратили посла персидского шаха Аббаса I. Посол подал жалобу царю Михаилу, который велел тогда провести тщательное расследование этого неприятного дипломатического инцидента¹¹.

Перезимовав на Дону, Разин с новыми силами весной следующего 1670 г. решил вернуть незаконно, как он считал, отобранные у него персидские сокровища и с этой целью выступил в поход против царских воевод. Мотивация более чем существенная, если учесть что марксистско-ленинская идеология о классовой борьбе, которую безуспешно пытались приписать Разину и всей разинщине советские историки-идеологи, до казацкого и гулящего люда волго-донской степи не дошла.

Астрахань была сдана ее защитниками с энтузиазмом. Скорее всего самым астраханцам их воеводы (правящая элита) надоели своими поборами и притеснениями. Иначе Астрахань разинцам было никак не взять. Это была мощнейшая крепость южной России, и без предательства ее гарнизона открыто штурмовать ее было просто самоубийственно. Значит, Разин смог расположить к себе царских стрельцов, подкупить их какими-то соблазнительными посулами. Он смог им сделать предложение, от которого они не смогли отказаться. Чем могли бы прельститься стрельцы? Только одним – изменой начальных людей, доведших их (посадских) своими притеснениями до крайней нужды. Прикрывшись такими оправданиями, служилый человек мог вполне перейти на сторону воровского атамана и гулящих людей, которые могли (и это тоже вполне вероятно) обещать самим обратиться к царю за справедливым судом. Разин и его «армия» не намеревались воевать с Москвой, а собирались наказать своим судом (самосудом) ненавистных им бояр и воевод «Астраханского царства» (напомним, что московский царь в своем титуле именовался также царем Казанским, Астраханским и Сибирским!).

Не найдя в Астрахани награбленных ими персидских «сокровищ», Разин оставил в качестве свидетеля лишь одного из воевод – князя С.И. Львова, совершив тем

самым стратегическую ошибку. Именно князь С.И. Львов и митрополит Иосиф составили свой заговор против Разина, выступив в роли «пятой колонны». Именно им, а не царским воеводам, разгромившим «воровскую армию» под Симбирском, следует приписывать победу над Разиным. Именно они ударили Разину в спину, и этот их поступок предательством назвать никак нельзя. Они Разина не предавали, поскольку никогда не переходили на его сторону.

После Астрахани разинцы отправились вверх по Волге, для того чтобы наказать остальных воевод «Астраханского царства». Арена их военного действия не выходила за границы Астраханского царства. Но путь в Москву, которая была в руках царских бояр и воевод, им преградили правительственные войска, которые не стали с ними церемониться и разогнали артиллерийскими залпами всю эту разношерстную вольницу. Быть может, Разин и шел к царю с челобитной на астраханских воевод, но только не с покорно снятой шапкой, а с водруженными на пиках отрубленными головами царских чиновников.

Подниматься против существующего государственного политического режима с толпой озлобленной и голодной черни было просто самоубийством. Напомним еще раз, что у воровских людей того времени были совершенно иные социальные стереотипы, чем у классиков социальной мысли XIX–XX вв. Разин сам того не желая, оказался в роли «государственного злодея». Взятие Астрахани поставило его вне закона.

Видя, что его дело рушится, а события принимают дурной для него оборот, Разин где-то на Волге зарывает свой второй клад – сокровища, которые его люди награбили уже у бояр и воевод Астраханского царства. Это дает повод для рождения народной песни «Есть на Волге утес...». Вопрос о том, где этот утес находится, остается открытым и по сей день. При этом необязательно современным археологам искать именно «утес». «Утес» – это, может быть, тоже символ. Символ того, что богатств было очень много, с утес!

Разгром вольной армии Разина – вызвал в народе социально-политическую апатию, и впоследствии появилась грустная песня: «Как бы Волга-матушка // Вспять бы побежала, // Ка бы можно было // Жизнь начать сначала...» Злодеяния Разина стали порождением злодейства астраханских воевод. Злодеяния разбойников вызвали ответное злодеяние царских московских воевод и бояр. В итоге зло многократно умножилось. Добра же вообще в этой истории не видно...

Так кем же является на самом деле Разин – национальным героем или злодеем-разбойником? Каждый раз – тем, кем его видело очередное поколение ученых, политиков и обывателей. Сначала он был злодеем, потом народным героем. Сейчас мы вновь задумываемся над тем, а герой ли он? Герой или антигерой? Ответить на этот вопрос сегодня, кажется, уже невозможно. Для меня лично Стенька Разин – несчастный человек, оказавшийся в силу различных обстоятельств в непростой и даже трагической ситуации. Он стал заложником своих и чужих амбиций, пошел на принцип, до конца.

Разин стал национальным героем России, но он не стал русским Робин Гудом. Почему? Робин Гуд раздавал награбленное богатство простым людям, Разин же грабил богатых и оставлял их богатства себе. Он проливал чужую кровь из-за своих эгоистических соображений. В памяти народной остался именно где-то им спрятанный клад. Разин не раздал своих богатств народу. И народ это запомнил по-своему.

В ходе этой гражданской смуты было совершено два крупных предательства – вначале астраханцы предали своих начальных людей (бояр и воевод царских) и открыли городские ворота врагу, затем предательство совершили уже сами донские казаки, коварством пленив воровского атамана Стеньку Разина и выдав его царю. Между этими двумя предательствами и помещаются все события разинского бунта. Сами эти предательства являются судьбоносными событиями смуты середины XVII в.

Образ утопленной Разиным в Волге персидской княжны – это собирательный образ награбленного в походе сокровища, потерянного под Астраханью. То, что это «персидская княжна», говорит нам о том, что богатство это имело иноземное происхождение. Поэтому мы утверждаем, что никакой княжны в реальности не было (хотя

могли быть персидские полонянки); что казаки так с горечью называли отобранные у них астраханскими воеводами персидские сокровища. Разинцы словно на ветер выбросили то, что с таким трудом добыли в походе на Каспий. Поэтому эта обида была самой болезненной, самой кровоточащей. Простить такое казаки не могли. Тем более что они точно знали своего обидчика – астраханских воевод. Расправится с обидчиками, а затем повиниться перед московским царем, сославшись на произвол его бояр и воевод – вот главный замысел всего разинского бунта. И то, что события пошли не по их сценарию, сделало всех этих людей злодеями. Царские бояре и воеводы просто не пустили Разина к царю, объявив его врагов царя, веры и Отечества. Поэтому возвращение Разина в Астрахань летом 1670 г. есть ни что иное, как поиск им «утопленной» в Волге «персидской княжны» («казны»). Фольклорная версия нам указывает на вероятность такого хода событий.

Я категорически не согласен с точкой зрения уважаемого мной В.М. Шукшина, который считал, что Разин пришел на Волгу дать людям волю!¹² Волга и раньше считалась и была вольной рекой. Там жили вольные люди. Другое дело, что и местная власть тоже себя считала вольной, то есть свободной от этических и правовых норм Русского (Московского) государства, и преспокойно творила беззаконие. Вместо воли Разин принес народу кровь и страдания. «Воля» на языке тех лет означала не только свободу в рамках существующей правовой системы, но и анархию, и вседозволенность. Разин не герой-освободитель крепостного крестьянства (кстати, в то время крепостничество еще не достигло размахов времен Емельяна Пугачева, которого на Волге и Дону никогда не было), а лихой и весьма удачливый атаман, вышедший из-под контроля местной царской администрации. События вынудили Разина быть злодеем. При этом надо помнить, что Разин бунтовал не против русского (московского) царя, как это утверждала в свое время советская историография, а против местной администрации, что не одно и то же. Поэтому сегодня роман Василия Макаровича правильнее было бы назвать: «Я пришел дать Вам, люди, справедливость...».

Официальная историческая версия этой истории отражает взгляд на нее с точки зрения боярской элиты. Мнение побежденной стороны никем тогда не учитывалось, но было реконструировано советской исторической наукой, более всего расположенной к истории масс, нежели к истории элит. Однако оба эти варианта идеологизированны и отражают лишь одну сторону событий. Фольклорная же версия сугубо нейтральна. Она не выражает ничьих интересов, поскольку она представляет собой взгляд самого народа. Она лишена идеологической подоплеки. Это ее главное преимущество. Главный же ее недостаток заключается в том, что она фрагментарна, что она отражает мировоззрение масс – народ изложил событие так, как его увидел и понял.

Если кого-то и надо винить в самом кровавом бунте XVII в., то не самого Разина и его шайку, а жадность астраханских воевод, спровоцировавших своим эгоизмом такое массовое выступление. Коррумпированная власть – вот главный виновник всех этих трагических событий. Провокации астраханских воевод – тема, которая мало освещалась в отечественной исторической науке. А ведь как раз в действии политических элит мы должны искать контрдействия политизировавшихся по этой причине масс. Если бы астраханские воеводы не были столь циничны и жадны, то бунта 1670–1671 гг., быть может, и не случилось, а сам Стенька Разин остался бы вне истории как один из мелких казацких атаманов того неспокойного времени...

Историкам давно надлежит понять, что ученые не должны привносить в историю ничего лишнего, особенно «отсебятину». Используемые нами фольклорные свидетельства этих событий лишь указывают на неоднозначность ныне существующей в исторической науке официальной версии. Мы не утверждаем, что «мы» и только «мы» правы. Мы лишь хотим подсказать нашей исторической науке о возможном существовании так называемой «альтернативной версии». Только исключив из исторического научного опыта идеологию, мы максимально приблизимся к исторической достоверности, и тут фольклор окажется вполне научным источником информации. Рассмотренная нами история разинского бунта лишь подтверждает нашу гипотезу и указывает на необходимость привлечения к анализу исторических событий любых,

даже ненаучных данных, поскольку политическая мифология тоже является историческим источником и несет в себе подчас весьма важную для анализа информацию.

¹ См.: *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 5. Т. 9–10. История России с древнейших времен. М., 1990. С. 215–216.

² Там же. Кн. 6. Т. 11–12. М., 1991. С. 283.

³ Там же. С. 284.

⁴ *Кстати*, именно Стрюйс пустил в обиход легенду об утопленной персидской княжне, и, хотя рассказ этот не нашел исторического подтверждения, вероятно, некую несчастную пленницу тогда все же воры утопили. См.: История Астраханского края. Астрахань, 2000. С. 299.

⁵ *Неслучайно* на состоявшемся весной 1670 г. казацком круге в Паншином городке было принято решение: «Пойдем на бояр и на воевод на Волгу за то, что де бояре и воеводы нас голодом морят. А как на море и на Волге наперед сего были, и они, бояре и воеводы, нас имали и вешали и головы нам секли и в воду сажали». См.: Материалы по истории СССР. М., 1989. Вып. 3. С. 251.

⁶ *Хрестоматия* по истории Астраханского края. Астрахань, 1992. С. 83, 87, 96.

⁷ *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 6. Т. 11–12. М., 1991. С. 283, 290.

⁸ Там же. С. 291.

⁹ *С.М. Соловьев* считает эти сведения клеветой Федьки Шелудяки на Иосифа и Львова (Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 6. Т. 11–12. М., 1991. С. 311). Но если этому слуху поверили в Астрахани и за это дело казнили обвиненных, то, значит, у погибших действительно была возможность свободно сноситься с донскими казаками. А это в свою очередь указывает на то, что и Иосиф, и князь С.И. Львов в пределах самой Астрахани были относительно свободны.

¹⁰ *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 6. Т. 11–12. М., 1991. С. 283.

¹¹ См.: *Веселовский Н.И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1989. Т. 3. С. 86–89.

¹² *Шукиин В.М.* Я пришел дать вам волю: Роман, повести. М., 2004.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ТРУДАХ В.Н. ТАТИЩЕВА

О.Б. Рослякова
(Россия, г. Астрахань)

Мы привыкли говорить о том, что Россия – многонациональная страна. Этнос большинством российских ученых понимается как исторически возникший вид устойчивой общности людей, объединенных общностью происхождения, территории, языка, культуры, представленный племенем, народностью, нацией. В этнографическом смысле термин «этнос» близок понятию «народ». Иногда под ним подразумевается сообщество нескольких народов (этнолингвистические группы) или же, наоборот, отдельные обособленные части внутри одного народа (этнографические группы).

Этническая карта нашей страны и ее культурное многообразие формировались на протяжении многих веков под воздействием ряда факторов: это и окружающая среда, и хозяйственная деятельность, и миграции, далеко не всегда мирная колонизация и завоевания, миссионерство... Российское государство в момент возникновения охватывало небольшую территорию на северо-востоке Русской равнины. За время становления Российской империи происходило постоянное присоединение территорий и разноплеменного, разноразового населения. Но царское правительство, как правило, старалось не нарушать сложившейся системы хозяйствования, традиционного быта, не вторгаться в вопросы вероисповедания вновь присоединенных народов. Территория России достаточно органично включала в себя новые образования, при этом, как правило, сохранялась специфика управления вновь присоединенных регионов.